

Глава 13. Рассвет

Лунный свет разливался вокруг подобно прозрачной воде. Почти весь лагерь уже спал, за исключением караульных, обходивших посты. Эта тихая, обыкновенная ночь могла бы пройти незаметно, если бы не недавнее происшествие, переполошившее многих. Встревожен был и Цюй Луньцзюнь.

Цин И, кутаясь в плотный плащ, сидел у костра, съежившись от ночной прохлады, и невидящим взглядом смотрел на подвешенный над огнем котелок. Вода в нем давно закипела, и из-под крышки с тихим шипением вырывались густые струи пара.

Цюй Луньцзюнь поддел ушко котелка сухой веткой, снял его с огня и достал припрятанную дорожную пиалу. Аккуратно налив немного обжигающего отвара, он протянул его юноше.

— Выпей горячего, полегчает, — негромко произнес он.

Дрожащими руками Цин И принял пиалу, прижался ладонями к теплым глиняным бокам, словно стараясь вобрать в себя все тепло, и склонился над краем, вдыхая поднимающийся пар.

Цюй Луньцзюнь молча подсел ближе. Он смотрел на пляшущие языки пламени, погруженный в собственные мысли.

Время давно перевалило за полночь. В лесной глуши царила глубокая тишина, нарушаемая лишь редким, сухим потрескиванием прогорающих веток. Они сидели плечом к плечу, разделяя это молчание на двоих.

Сделав маленький глоток, Цин И почувствовал, как приятное тепло скользнуло вниз, согревая озябшие внутренности. После недавней вспышки слез навалилась глухая усталость: веки отяжелели, а в голове разлился свинцовый туман.

«Этот кошмар... он был слишком ужасен».

Даже сейчас, когда пламя костра согревало лицо, Цин И содрогался при одном воспоминании о пережитом во сне. Такое простое, земное счастье... счастье, которое он никогда не сможет вернуть, как бы ни пытался.

— Когда мне было одиннадцать, мои родители погибли в автокатастрофе, — тихо, почти беззвучно произнес он, нарушив молчание ночи.

Цюй Луньцзюнь не перебивал. Блики костра плясали на его лице, прорисовывая резкие, глубокие тени.

— Все из-за меня... Все это случилось только по моей вине, — продолжил Цин И.

За все эти годы он ни разу не осмелился открыть душу кому-то другому, даже Фэй Юй. Его старший брат, Цин Хао, тоже молчаливо обходил эту тему стороной. Но они оба знали: прошлое нельзя вычеркнуть из памяти просто так. Чем усерднее пытаешься зарыть воспоминания поглубже, тем сильнее они гноятся, превращаясь в неизлечимую, вечно кровоточащую рану на самом дне души.

— Моя вина... только моя!

Когда эти слова наконец сорвались с его губ, облегчения не пришло. Напротив, грудь сдавило еще сильнее, будто на нее навалили неподъемную каменную глыбу.

— Если бы я тогда не капризничал, не требовал поехать в этот чертов аквапарк... Если бы просто послушался их! Отец ведь говорил, что очень устал, но я вел себя как эгоистичный ребенок. Наговорил ему кучу гадостей. Сказал, что возненавижу его, если мы не поедем. Какая глупость... — Цин И горько, надрывно усмехнулся. — Разве я мог его ненавидеть? Он ведь был моим героем, я всегда хотел быть похожим на него. Те слова были просто детской обидой. Я ведь... я просто хотел, чтобы мы побыли вместе подольше. Он вечно пропадал на работе. Вечно эти сверхурочные... В детстве я видел его, только когда уже засыпал. Он всегда приходил слишком поздно.

Он спрятал лицо в ладонях.

— Помню, мама лучше всех готовила свиные ребрышки в медовом соусе. Аккуратные, румяные, зажаренные до красивой золотистой корочки... Когда я возвращался из школы, этот аппетитный аромат чувствовался еще на улице. Мы с Цин Хао наперегонки бежали по лестнице, споря, кто первый доберется до двери, — Цин И принялся медленно вращать пиалу в ладонях, глядя на колыхание темной жидкости. — Мы были так счастливы. Наша семья была самой счастливой на свете... Пока не случилась та авария.

Цюй Луныцзюнь опустил глаза. Лицо его оставалось суровым и сосредоточенным.

— Знаешь... Во сне мама все время повторяла: «Не задерживайтесь допоздна». Ведь именно это она сказала перед тем, как мы сели в машину. Но... — голос Цин И упал до еле различимого шепота, — все произошло слишком быстро. Удар, скрежет металла... Когда я очнулся, у меня на коленях... лежала окровавленная голова отца...

Он запнулся на последних словах и содрогнулся, окончательно зайдясь в беззвучных, мучительных рыданиях.

Цюй Луныцзюнь не знал, какие слова могут унять эту боль. Глядя на то, как сжимается и дрожит хрупкое тело юноши, он лишь тихо вздохнул и осторожно положил ладонь ему на плечо.

Цин И поднял на него залитое слезами лицо.

— Знаешь, какое наказание на свете самое страшное? — спросил он со слабой, измученной улыбкой.

Цюй Луныцзюнь молча покачал головой.

— Это когда тебя никогда и никто уже не сможет простить. И ты вынужден нести это клеймо всю жизнь, запертый в собственной вине без единой надежды на спасение.

Слезы вновь хлынули из его глаз. Цюй Луныцзюнь глубоко вздохнул и, не выдержав, мягко притянул Цин И к себе, укрывая его в своих объятиях.

На этот раз юноша не стал отстраняться. Он покорно прижался к широкой груди мужчины, ища защиты от призраков прошлого.

Не стоит думать, будто мужчины сотканы из железа и гранита. Просто общество с малых лет учит их скрывать свои чувства, воспитывая в них твердость и непоколебимость. Но в глубине души каждый из них остается уязвимым, нуждающимся в понимании. Порой за маской надменности и силы скрывается лишь испуганный ребенок, чью слабость и израненное эго нужно лишь вовремя принять и обогреть.

— Когда мне бывало совсем невыносимо, Цин Хао точно так же обнимал меня, — тихо пробормотал Цин И.

— Кто такой Цин Хао?

— Мой старший брат, — при упоминании этого имени в сердце Цин И поднялся целый вихрь противоречивых чувств: любви, горечи и затаенной обиды.

— Почему же ты зовешь его просто по имени? Разве в твоём мире не принято проявлять уважение к старшим родственникам?

Цин И ненадолго задумался, глядя на гаснущие искры.

— Я и сам не заметил, как это случилось. После смерти родителей нас разлучили и отдали в разные семьи, очень далеко друг от друга. Перед тем как нас увезли, Цин Хао крепко обнял меня и велел держаться изо всех сил. Он пообещал, что через три года непременно заберет меня, и мы снова будем жить вместе. Для него, как и для меня, дом существовал только там, где мы были вдвоем. Еще он просил меня терпеть любые невзгоды и встречать трудности с улыбкой.

— Три года? — переспросил Цюй Луныцзюнь.

— Да.

— И тебе тогда было одиннадцать?

— Да, одиннадцать.

— Должно быть, эти три года дались тебе нелегко?

Этот вопрос вызвал у Цин И лишь грустную усмешку.

— Мой брат сдержал слово. Ровно через три года, как только ему исполнилось восемнадцать... Прошло уже больше десяти лет, но я до сих пор отчетливо помню день нашей встречи. Лил проливной дождь, он промок до нитки, но его глаза сияли. Всю дорогу до нашего нового дома он судорожно сжимал мою ладонь, словно боялся, что я снова исчезну. Потом мы жили вместе. Точно так же сидели в обнимку перед экраном... Мы ходили в одну школу, учились в одном университете, даже медицинский факультет окончили вместе.

— Это замечательно, — тихо заметил Цюй Луныцзюнь. — Он ведь твой единственный близкий человек.

— Да, единственный. Мы выживали вдвоем. Его жизнь буквально вращалась вокруг меня. Я понимаю его: родители ушли, и он, как старший брат, взял на себя роль отца. Он считал своим долгом заботиться обо мне. Пока мы были вместе, у нас оставалась иллюзия дома. Но было и кое-что еще...

— Что именно?

— Он до безумия боялся за меня. Из-за той аварии. Когда нас разлучили, мне ведь было всего одиннадцать. Пусть я был ребенком, но прекрасно понимал: весь этот кошмар произошел из-за моей глупости.

Цин И поудобнее устроился у костра и продолжил:

— Меня приютила тетка. Поначалу родственники приняли меня тепло. Выделили отдельную комнату, ведь их сын был моим ровесником, и мы даже пошли в один класс. Но я, ребенок, только что потерявший родителей, совершенно не понимал, что со мной происходит. Первые несколько месяцев я просыпался посреди ночи от собственного крика, обливаясь холодным потом — точь-на-точь как сегодня. Днем я превращался в тень: не мог сосредоточиться на уроках, учеба покатила под откос. Но самым страшным были не кошмары, а всепоглощающее чувство вины. Я искренне верил, что убил собственных родителей. Эта мысль отравляла меня изнутри, порождая глубокую, уродливую закомплексованность. Глядя на то,

как счастливы мои родственники, я испытывал ядовитую зависть. Втайне я желал, чтобы они познали такое же горе. Тогда мне казалось, что если они станут несчастными, я перестану чувствовать себя таким одиноким.

Цин И теснее прижался к груди Цюй Луныцзюня, безжалостно обнажая перед ним самые темные, постыдные страхи своего отрочества.

— Друзей у меня не было. В школе я превратился в нелюдимо молчуна. Я избегал сверстников, а они сторонились меня. Я всегда был один: один шел на занятия, один сидел в углу библиотеки, один возвращался домой. Порой я мог не произнести ни слова за весь день. Даже когда учителя вызывали меня к доске, я просто стоял и молчал. Со временем меня стали считать ненормальным. Стоило мне пройти по коридору, как за спиной раздавался приглушенный шепот. Мальчишки быстро смекнули, что меня можно безнаказанно травить — ведь я никогда не плакал и не давал сдачи. Но видит бог, в глубине души я принимал эти издевательства как заслуженную кару. Когда меня толкали, оскорбляли или оставляли в абсолютной изоляции, я чувствовал странное, извращенное облегчение. Словно так я хотя бы частично искупал свой грех.

Цюй Луныцзюнь крепче сжал его плечо, а другой рукой бережно, почти неосознанно, коснулся его волос, мягко поглаживая по голове.

— Вина за смерть родителей съедала меня без остатка. Пытаясь заглушить этот страх и хоть как-то вернуть контроль над жизнью, я начал придумывать для себя странные ритуалы. Мои книги в шкафу должны были стоять строго в алфавитном порядке. На постельном белье не допускалось даже намека на красный узор. Я панически боялся новых вещей и носил только заношенную одежду — мне казалось, что если я надену что-то новое, это укоротит мне жизнь. Если мне нужна была какая-то книга, я никогда не читал свою, а обязательно брал ее в библиотеке или просил у знакомых. Я писал только чернильными ручками и терпеть не мог шариковые. А все круглое вызывало у меня непреодолимое отвращение. Но сильнее всего я ненавидел карандаши... ведь каждый раз перед использованием их нужно было безжалостно стачивать, срезая грифель острым лезвием...

Цин И поднял глаза на собеседника.

— Я сходил с ума. Мне казалось, что все вокруг пристально следят за мной, подмечая каждое движение. Даже когда люди молчали, мой разум рисовал картины их скрытого презрения. Возвращаясь домой, я запирался в комнате и часами говорил сам с собой. Во мне словно поселился чужак, безжалостный двойник, который издевался надо мной, презирал мою слабость и раз за разом сдирал корку с моих самых болезненных душевных ран. Тетя и ее близкие начали меня сторониться. Они общались со мной с опаской, избегая смотреть мне в глаза. Однажды я случайно подслушал их разговор за закрытой дверью. Они шептались о том, что я сумасшедший урод, что у меня мертвенное лицо, и что от меня веет могильным холодом.

Он сделал глубокий вдох, успокаивая дыхание.

— Через год началось половое созревание. Но я тогда решил, что смертельно болен. За одно лето я резко вытянулся, стал худым как скелет, а кожа приобрела бледный оттенок. Я постоянно подхватывал простуды. В конце концов тетя выхлопотала мне полное освобождение от физкультуры, запретив любые нагрузки. Я возненавидел собственное тело. Оно казалось мне грязным, уродливым и чужим. Я двигался неловко, деревянно, словно управлял марионеткой. В школе все стало еще хуже: одноклассники окончательно отвернулись от меня, боясь даже случайно задеть. Я полностью разучился общаться, потерял всякую способность жить как нормальный человек. Жалкое зрелище, правда?

Цюй Луныцзюнь молча покачал головой, тяжело вздохнув, и ласково провел тыльной стороной ладони по его щеке.

— Все эти три года я только и делал, что читал, — продолжил Цин И. — В эмоциональном плане я оставался беспомощным ребенком, хотя умом значительно превосходил сверстников. Когда Цин Хао наконец забрал меня, перед ним предстал не просто младший брат, а замкнутый в себе, искалеченный безумием изгой. Именно ради меня он тогда решил стать врачом и поступил в медицинский институт. В пятнадцать лет, когда все нормальные мальчишки начинают интересоваться девочками, у меня не было ни единой родной души. Самый простой разговор с посторонним превращался для меня в пытку. Однажды Цин Хао повел меня в кино. Рядом со мной сел очень красивый молодой мужчина. Не знаю, что на меня нашло... Мне безумно захотелось заговорить с ним, но я понятия не имел, как это делается. Когда в зале погас свет, я украдкой разглядывал его профиль. Желание привлечь его внимание росло, а вместе с ним нарастал и дикий, панический страх. В конце концов я просто вскочил и в ужасе выбежал из кинотеатра. Я не понимал себя: было ли это простое любопытство или зарождающееся влечение? Я запутался в собственной природе. Вернувшись домой, я почувствовал себя невыразимо грязным. Эта мысль вызывала такое омерзение, что я заперся в ванной и принялся остервенело тереть кожу мочалкой, пытаясь смыть этот воображаемый позор. Я содрал эпидермис почти до крови, и только Цин Хао, выломав дверь, сумел меня остановить...

Цин И закрыл лицо руками, плечи его мелко дрожали.

— Довольно... не нужно больше, — с болью в голосе прошептал Цюй Луныцзюнь, крепче прижимая его к себе. — Не бреди старые раны. Все это осталось там, в прошлом.

— Прости, что вывалил на тебя всю эту грязь, — глухо отозвался юноша. — Не самая приятная история. Думаю, именно тогда я и перестал называть его братом, перейдя на имя.

— В этом нет ничего дурного. Вы были единственной опорой друг для друга в целом мире.

— Вот как? — Цин И горько усмехнулся. — Ты действительно так думаешь? К сожалению...

— Что такое?

— Нет, ничего, — он мягко отстранился от груди Цюй Луныцзюня, сел ровнее и уставился на

угасающий костер.

— А что произошло потом? — мягко спросил мужчина.

— В моем сегодняшнем сне у меня была идеальная семья. Нежная, любящая жена Фэй Юй... И у Цин Хао тоже была своя жизнь, супруга родила ему очаровательных близнецов. Настоящая идиллия. Фрейд когда-то писал, что сновидения — это суррогатное исполнение вытесненных желаний, а вовсе не случайные ассоциации. Мое подсознание выдало слишком очевидную картину. И теперь я сам не знаю, чего на самом деле хотел...

— Я... не совсем понимаю тебя, — нахмурился Цюй Луныцзюнь.

— Фэй Юй в итоге вышла замуж за Цин Хао. Хотя до этого она была моей девушкой, — тихо пояснил Цин И. — Я до сих пор не могу разобраться, почему отступился тогда. Хотел ли я просто подарить им счастье, или же мной двигали куда более темные, эгоистичные мотивы? Возможно, я пытался разорвать удушающую хватку опеки Цин Хао, но в то же время подсознательно не желал отпускать его. С этой извращенной, болезненной двойственностью я молча наблюдал, как они сближаются. А когда они сыграли свадьбу, я просто сбежал как можно дальше. И попал в ту аварию... Все в этой жизни взаимосвязано, у всего есть своя цена. — Он повернулся и посмотрел Цюй Луныцзюню прямо в глаза. — Звучит безумно, правда?

Цюй Луныцзюнь растерянно улыбнулся.

— Пожалуй... Значит, между тобой и твоим братом...? — осторожно, словно боясь ошибиться, спросил он.

— Да, ты все правильно понял, — кивнул Цин И. — Именно так.

Мужчина пораженно выдохнул:

— Невероятно...

— Вот видишь. Даже для тебя это дикость. Неудивительно, что мне хотелось бежать без оглядки.

— Но от чего именно ты бежал? — Цюй Луныцзюнь заглянул ему в душу. — От того, что он мужчина? Или от того, что он твой родной брат, связанный с тобой одной кровью?

— Бьешь в самую цель... — Цин И отвел взгляд. — Я не знаю.

— Значит, все твои слова о том, что тебе нравятся только женщины... Возможно, ты просто заставил себя поверить в это? Внушал себе эту мысль день за днем, пока ложь не стала

казаться правдой?

— Может быть, — устало согласился юноша. — Я запутался. За всю свою жизнь я любил лишь одну женщину — Фэй Юй. И делил постель лишь с одним мужчиной — моим братом. Глупая, изломанная судьба.

— И как ты оказался в наших краях?

— Произошел несчастный случай. Думаю, в своем мире я давно мертв. Последнее, что я помню — стена ледяного дождя и слепящие фары встречной машины.

— Что ж... Раз судьба забросила тебя сюда, постарайся начать все заново.

— Пожалуй, другого выбора у меня нет, — слабо улыбнулся Цин И. — Интересно, как они там без меня...

— Если посмотреть с другой стороны, все не так уж плохо, — мягко заметил Цюй Луныцзюнь. — По крайней мере, там ты не был одинок. У тебя был тот, кто дышал тобой.

Цин И с удивлением посмотрел на него.

— Ты правда так считаешь?

— А почему нет? Ты привык видеть во всем лишь мрак и трагедию. Но если взглянуть под другим углом, в ваших чувствах не было ничего противоестественного.

— Я тоже много думал об этом, — вздохнул Цин И. — Каждый человек — это отдельная вселенная. Даже если это твой брат, у него свой разум, своя душа, он совершенно другой. Так какая разница, течет ли в наших жилах одна кровь? Общество отвергает это только из-за условностей родства. Но разве родство не делает двоих людей ближе и созвучнее, чем любые другие влюбленные на земле? Человек действительно удивительно сложное и полное противоречий существо.

— Скоро рассвет... — негромко произнес Цюй Луныцзюнь.

— Да ну? — Цин И огляделся по сторонам. Вокруг все еще стояла глухая, непроглядная темень.

— Перед самым рассветом ночь всегда кажется чернее всего.

Цин И не удержался от легкой, искренней улыбки.

— Спасибо тебе... Не думал, что грозный полководец может быть таким чутким.

— Твой брат тоже был таким?

— Вроде того... — Цин И замялся на мгновение, а затем перевел тему: — Послушай, а ты научишь меня завтра стрелять из лука?

— Обязательно. Было бы желание.

Они тепло улыбнулись друг другу. А там, за их спинами, над далеким краем черного горизонта, едва заметно затрепетала первая, робкая полоса утренней зари.

<http://bllate.org/book/20580/2135368>